

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ

005002921

На правах рукописи

МУТОВ Сергей Анатольевич

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПОЛИТИКЕ
МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА**

Специальность 23.00.04 – политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

- 1 ДЕК 2011

**МОСКВА
2011**

Работа выполнена в Центре СНГ ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия МИД России»

Научный руководитель:

РУДОВ

*Георгий Алексеевич,
доктор политических наук,
профессор*

Официальные оппоненты:

ЗАДОХИН

*Александр Григорьевич,
доктор политических наук,
профессор*

МЕЛЬКОВ

*Сергей Анатольевич,
доктор политических наук*

Ведущая организация:

*Московский
государственный
университет
им. М.В.Ломоносова*

Защита диссертации состоится «19» января 2012 года в 12⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 209.001.01 в Дипломатической академии МИД России: Москва, Большой Козловский п., 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Дипломатической академии МИД России.

Автореферат разослан «21» ноября 2011 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор политических наук

С.С.Жильцов

Центральная Азия – один из регионов мира, где пересекаются интересы целого ряда государств, которые рассматривают Центральную Азию (ЦА) как зону своих национальных интересов, при том, что и степень этого интереса, и возможности его обеспечения у всех этих геополитических акторов различны. Причины этого в том, что все, происходящее в ЦА, прямо затрагивает интересы граничащих с ней великих держав – России и Китая, а также других соседних государств, в т.ч. региональных держав – Турции и Ирана, и опосредовано – интересы США и объединенной Европы. Здесь сосредоточены стратегически важные ресурсы, прежде всего энергетические, представляющие интерес как для России и Европы, так и для растущих экономик Китая и Индии. Кроме того, ЦА – важный транзитный транспортно-коммуникационный узел, через который перемещается значительная масса товаров, причем в их объеме постоянно растет доля углеводородных энергоносителей.

В «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года», утвержденной Президентом России Д.А.Медведевым в 2009 г., в этом отношении указано: «Внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе на Ближнем Востоке... в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии. Негативное воздействие на международную обстановку в среднесрочной перспективе будут по-прежнему оказывать ситуация в Ираке и Афганистане, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке»¹. Таким образом, подчеркивается непосредственная связь между ситуацией в ЦА, в том числе происходящими или намечающимися в ней социально-экономическими и политическими переменами, и процессами, протекающими в соседних регионах, все государства которых представляют собой страны с абсолютным преобладанием мусульманского населения.

К тому же, радикальное изменение политической карты мира в результате распада СССР и социалистического лагеря пока еще не окончено, и в этих процессах ЦА будет играть одну из ключевых ролей. Если взглянуть на деятельность таких созданных после 1991 г. на постсоветском пространстве объединений как Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности, а также возникших позднее Евро-азиатского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Шанхайской организации сотрудничества, то неизбежен

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 - <http://www.mid.ru/ns-osdoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/8abb3c17eb3d2626c32575b500320ae4?OpenDocument>

вывод о том, что по-настоящему активное участие в них принимают лишь РФ, Белоруссия, Армения и страны ЦА.

При этом также продолжается процесс формирования государственности в странах ЦА и, соответственно, превращения их в субъекты международных отношений. Но данные государства находятся в самом начале этого пути, а потому их внешняя политика характеризуется во многих аспектах непоследовательностью, переменчивостью и – в определенном смысле – непредсказуемостью.

В этих государствах у России пока, во многом благодаря советскому наследию, сохраняются относительно сильные позиции. Однако прочность этих позиции ставится под вопрос в результате воздействия внешних факторов, среди которых, помимо, активного внедрения США и Китая, следует отметить также влияние ближних и дальних мусульманских государств, в особенности претендующих на лидерство в этом регионе – Ирана и Турции.

Актуальность диссертации определяется, таким образом, заметно усилившейся ролью ЦА в мировой экономике и политике, нарастанием интереса целого ряда государств к ней, к ее природным ресурсам, в особенности энергетическим, а также тем, что под воздействием внешних факторов, среди которых значительное место занимает влияние мусульманских государств, геополитическая ситуация в этом регионе меняется весьма быстро, и это имеет прямое отношение к российским политическим, экономическим и военным интересам.

Объектом диссертационного исследования являются отношения между государствами Центральной Азии и мусульманскими странами.

Предмет исследования – политические, экономические, культурно-гуманитарные и религиозные отношения, связывающие государства ЦА с остальным исламским миром, факторы, определяющие заинтересованность ведущих мусульманских государств в развитии отношений со странами региона и формирующие внешнюю политику центрально-азиатских стран на данном направлении.

Цель исследования – выявление особенностей формирования отношений между государствами ЦА и остальными государствами исламского мира в их динамике, определение движущих факторов эволюции и перспектив развития этих отношений, что обусловило постановку перед исследованием следующих задач:

– рассмотреть предпосылки формирования текущей геополитической ситуации в Центральной Азии с учетом особенностей ее исторического развития, географического расположения, значения ее природных

ресурсов, а также внутрорегиональных проблем, и показать ее влияние на внешнеполитический курс стран ЦА;

– изучить процесс развития отношений между государствами ЦА и остальными странами исламского мира, общие черты и особенности этих отношений;

– выявить движущие силы, определяющие заинтересованность ведущих мусульманских государств в развитии отношений со странами Центральной Азии, общее и особенное в стратегии и тактике построения двусторонних отношений со стороны этих государств;

– показать зависимость внешнеполитического курса каждого из государств ЦА в отношении к внешним мусульманским акторам от конкретного геополитического положения этих государств;

– исследовать степень влияния глобальных внешних факторов, в т.ч. международной ситуации в целом и политики ведущих центров силы современного мира, на процесс развития отношений между государствами ЦА и странами мусульманского мира;

– на основе вышеуказанного изучить перспективы развития отношений между государствами ЦА и мусульманскими странами за пределами региона.

Степень разработанности темы определяется тем, что регион ЦА в течение многих десятилетий не являлся субъектом международных отношений. Превращение государств ЦА после 1991 г. в самостоятельных субъектов международных отношений повысило интерес исследователей к вопросам их внешней политики и отношений с зарубежными странами, тем не менее, до начала нового столетия этот регион во многом оставался на периферии мировой политики и экономики и, соответственно, внимания исследователей, особенно западных, которые в тот период уделяли несравнимо большее внимание, например, Балканам, Африке и т.д. Появление новых угроз в виде международного терроризма, религиозного экстремизма и наркоторговли, которое по времени совпало с резким усилением интереса к расширению источников энергоресурсов промышленно-развитых государств и таких быстро развивающихся экономик как китайская и индийская, вызвало заметный рост интереса политического руководства, военных и дипломатических ведомств и деловых структур ведущих стран мира и, соответственно, исследователей к этому региону. Однако, как представляется, имеет место определенный дефицит фундаментальной научной литературы, рассматривающей геополитическую ситуацию в регионе в комплексе и динамике.

В то же время, львиная доля исследований связей стран ЦА с внешним миром приходится на монографии и статьи, посвященные их отношениям с ведущими центрами силы современного мира, прежде всего с Россией, США и Китаем, в существенно меньшей степени – с европейскими странами и с ЕС в целом, в еще меньшей степени – с Японией, тогда как отношения государств региона с другими странами остаются практически неизученными, в т.ч. и с такой многочисленной, хотя и не представляющей собой единого полюса мировой политики, группой стран как мусульманские. Представляется, что данный пробел нуждается в заполнении, т.к. эти отношения также являются важным компонентом системы связей государств ЦА с внешним миром.

В той или иной мере тематика внешних связей стран ЦА, в т.ч. в контексте отношений России с США, Китаем и другими странами, равно как и тесно связанная с ней проблематика СНГ, ШОС, Ближнего и Среднего Востока, затронута в работах таких российских авторов как В. М. Алчинов, Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова, О. Н. Барабанов, А. А. Белоусов, В. А. Бельдей, К. П. Боришполец, В. И. Бушков, В. П. Воробьев, С. Ф. Гребениченко, З. А. Дадабаева, В. Е. Донцов, С.С.Жильцов, А.Г.Задохин, И.Звягельская, И.П.Иванов, В.М.Козьменко, Д.Косырев, К.Н.Кулматов, В.Ф.Ли, А.В.Митрофанова, В.С.Мясников, С.П.Поляков, Е.М.Примаков, Г.К.Прозорова, Г.А.Рудов, Е.М.Савичева, А.А.Селиванец, А.Д.Собянин, А.В.Торкунов, А.И.Уткин А.И.Фурсов, А.Д.Шутов и др.²

² Алчинов В.М. Международная экономическая интеграция и СНГ. М.: Научная книга. 2006; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополярный мир. М.: Восток-Запад, 2010; Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 1-3. М.: Научная книга, 2001-2002; Бажанов Е.П. Современный мир. Избранные труды. М.: Известия, 2004; Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007; Барабанов О.Н. Политика США в Центральной Азии и Закавказье // Южный фланг СНГ. Центральная Азия - Каспий - Кавказ: Возможности и вызовы для России/ Под ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина; МГИМО(У) МИД России; ИНО-Центр. - М.: Логос, 2003; Белоусов А.А. Внешние экономические связи Российской Федерации. - М.: РУДН, 2003; Белоусов А.А. Некоторые проблемы формирования России и странами СНГ единого экономического пространства // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. - М.: РУДН, 2003; Боришполец К.П. Центральная Азия как региональная подсистема международных отношений // Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред. А.Д.Воскресенского. - М.: МГИМО(У); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002; Воробьев В.П. Интеграционное взаимодействие стран СНГ в контексте реформирования сотрудничества. Дисс. на соиск. уч. ст. к.п.н. ДА МИД России. 2007; Гребениченко

Из исследователей, работающих в странах Центральной Азии, можно выделить таких авторов как С.Акимбеков, Д.Бактыгулов, Ф.Джани, А.Джекшенкулов, А.Джуманалиев, М.Иманалиев, Н.Каимов, Н.Касенова, У.Касенов, С.Кушкубаев, М.Лаумулин, Т.Мансуров, К.Токаев, Ф.Толипов, К.Чиналиев и др.

В общетеоретическом плане помощь оказало знакомство с трудами таких зарубежных авторов, как Р.Аллисон, З.Бжезинский, Г.Киссинджер, Г.Моргентау, Дж.Най, А.Тойнби, С.Хантингтон и др., некоторые из которых в прошлом занимали крупные официальные посты в сфере принятия внешнеполитических решений.

К числу источников, использованных при подготовке диссертации, относятся официальные документы и выступления руководителей, дипломатов и политических деятелей центрально-азиатских государств, России, США и других стран, переводы из китайских официальных источников, документы министерств иностранных дел и посольств соот-

С.Ф. Глобализуемый мир и Россия. - М.: РУДН, 2005; Дадабаева З.А. Россия и проблемы безопасности в Центральной Азии // Россия и современный мир, №4 (61), 2008; Звягельская И. Зачем России нужна Центральная Азия // Континент. 2004. № 2; Козьменко В.М. История международных отношений и внешней политики. - М.: Аспект - ПРЕСС, 2006; Мясников В.С. Квадратура китайского круга. Избранные статьи. В 2 кн. М.: Восточная литература, 2006; Ли В.Ф. Взаимодействие и синтез культур в процессе становления евразийской цивилизации // Характер и личность на исходе XX века. - М., Тверь, 1999; Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002; Рудов Г.А. Российско-кыргызские отношения: история и современность. - М. - Бишкек, Илим, 2001; Рудов Г.А. Нам суждено жить вечно в дружбе. Документальные страницы российско-кыргызских отношений на рубеже веков. - М.-Бишкек, Илим, 2002; Рудов Г.А. Я сердцем русский, духом евразиец. "Эркин-Тоо", 2002, Рудов Г.А. Центральная Азия с учетом исламского фактора // Тематический сборник. (Учебное пособие). «Геополитические проблемы Евразийского пространства»: Москва, «Научная книга», 2006. С. 187-193, Рудов Г.А. Религия и политика на евразийском пространстве. (Коллективная монография). Москва. «Восток-Запад». 2009, Рудов Г.А. Россия, Центральная Азия и исламский фундаментализм // Центральная Азия и радикальный ислам. М., «Восток-Запад». 2009, Рудов Г.А. Межэтнические отношения как фактор нестабильности в Центральной Азии // Диалог цивилизаций. Бишкек, «Илим», 2010; Савичева Е.М. Политическое лидерство на Арабском Востоке: проблема смены поколений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия "Международные отношения", № 1, 2001; Курылёв К.П., Савичева Е.М. Содружество Независимых Государств. М.: РУДН, 2009; Современные международные отношения. Под ред. Торкунова А.В. М.: РОССПЭН, 1999; Уткин А.И. Россия и Запад в XX в: проблема выбора путей развития // Новая и новейшая история. - 1999. - №9; Фурсов А.И. Срединность Срединной Азии: Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал. Том 1, №4, Осень 1998 и др.

ветствующих стран, а также документы международных организаций – Организации Объединенных Наций, Содружества Независимых Государств, Шанхайской организации сотрудничества, ЕврАзЭС, Организации Североатлантического договора, Европейского союза и др.

Теоретико-методологической основой исследования является сравнительный анализ политики мусульманских государств мира в отношении региона Центральной Азии и расположенных в нем государств, исторический подход, позволивший выявить предпосылки формирования отношений стран ЦА с мусульманскими государствами, а также системный подход, обеспечивший рассмотрение указанной ситуации как системы, состоящей из связанных между собой подсистем и их компонентов.

Новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что оно посвящено комплексному исследованию отношений между государствами Центральной Азии и странами исламского мира, с введением в оборот новых источников и научной литературы, содержащей малоизвестные факты и современные оценки данной ситуации, в т.ч. с учетом нынешних событий в арабском мире.

Наряду с этим, в диссертации обосновываются следующие идеи:

Все пять центрально-азиатских государств занимают особое место в мире ислама, являясь уникальным цивилизационным образованием, которое, благодаря пребыванию в составе исторической России, вобрало в свою культуру многие элементы славянско-православной цивилизации, в результате чего их население характеризуется грамотностью, а многие жители этих стран региона – носители знаний и достижений современной цивилизации. В итоге, по своему мировоззрению народы ЦА, исповедуя ислам, в то же время весьма заметно отличаются от населения арабского мира, Ирана, Пакистана, Турции.

Вследствие целого комплекса причин: тяжелого экономического, политического положения, крушения коммунистической идеологии, роста населения и неудачи попыток интеграции на национальной основе – исламский фундаментализм становится все более привлекательным для политиков мусульманских стран Центральной Азии и представляет собой отражающую реалии сегодняшнего дня парадигму, которая с учетом сложившейся ситуации стала альтернативой и ответом вызовам глобализации.

При том, что по отдельности ни одна мусульманская страна за пределами ЦА не может быть сопоставима по своим возможностям с крупными внешними акторами, проявляющими интерес к этому регио-

ну, в совокупности они все же являются существенным фактором, влияющим на политику государств ЦА. В то же время, крупнейшими и потенциально наиболее влиятельными в данном регионе среди других мусульманских стран являются, безусловно, Турция и Иран. Однако в политической, экономической и иной деятельности этих двух стран отсутствует синергетика, т.е. не наблюдается никакой согласованности или хотя бы взаимодополняемости действий, а, напротив, присутствует до поры до времени скрытое соперничество за влияние в регионе.

В наибольшей степени отношения с мусульманскими странами получили место во внешней политике и внешнеэкономических связях двух крупнейших стран ЦА – Казахстана и Узбекистана. Отношения Киргизии, Туркменистана и Таджикистана с другими мусульманскими странами, помимо Турции и Ирана, менее активны, а порой носят лишь эпизодический характер.

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что материалы представленной диссертации могут быть использованы в учебном процессе при чтении лекций и проведении семинарских занятий в вузах по политологии, истории и теории международных отношений, а сделанные выводы могут быть применены в научных исследованиях по современным проблемам региона, в практической работе внешнеполитических ведомств.

Апробация работы имела место в ходе участия автора в работе научно-теоретических и научно-практических форумов, конференций и совещаний, а также в форме научных публикаций.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы. В Главе I "Развитие связей мусульманских стран со странами Центрально-азиатского региона" рассмотрены такие вопросы как геополитическое место ЦА в современном мире и значение данного региона для различных внешних акторов.

В главе проведен сравнительный анализ развития пяти стран ЦА, которое сказывается на их внешней политике, в т.ч. и с исламским миром. Так, например, казахстанская модель изначально характеризуется глубокими экономическими реформами, которые должны обеспечить устойчивость и стабильность всей политической системы страны. Киргизская модель развития начала с политических реформ, которые тем не менее все еще не обеспечили политическую стабильность и устойчивость системы. Экономические реформы в этой стране до сих пор не обеспечивают рост экономики. Можно сказать, что Киргизия находится

в поиске окончательной модели развития. Таджикистан развивается по сложному пути. Специфическим аспектом этой модели или ее коренным отличием от других моделей развития является то, что в политической системе Таджикистана, единственной среди центрально-азиатских стран, активно действует Партия исламского возрождения, тогда как в других странах региона деятельность политических партий на религиозной основе запрещена.

События, которые разворачиваются в мусульманском мире, сопровождаются тенденциями, которые не могут не беспокоить жителей региона ЦА. Если серьезно не принять во внимание эти тенденции, то светским режимам с мусульманским населением предстоит встретиться с новыми угрозами и вызовами внутривнутриполитического и внешнеполитического характера. В частности, для безопасности Центральной Азии представляют серьезную угрозу современные тенденции развития событий в арабских странах.

В этой связи немало внимания в диссертации уделено процессам, происходящим в современном мире в последние десятилетия, которые заставляют по-новому взглянуть на роль ислама в нем. Ислам становится все более весомым фактором в мировой политике. Ещё в конце 70-х — начале 80-х годов XX века так называемый "исламский бум" способствовал политизации ислама и исламизации политики в мусульманских странах.

В работе показано значение мусульманской традиции для центрально-азиатского общества, равно как и то, что роль ислама в политической жизни региона все больше возрастает. В ЦА в эпоху глобализации значительно усилились позиции исламского фундаментализма, который стал ответной реакцией ислама на усиливающуюся глобализацию, воспринимаемую как чуждые его ценностям "вестернизацию" и "американизацию". В свою очередь, после окончания "холодной войны" и распада социалистического лагеря и Советского Союза Запад во главе с США воспринимает исламский фундаментализм как одного из основных противников.

Вследствие целого комплекса причин: тяжелого экономического, политического положения, крушения коммунистической идеологии, роста населения и неудачи попыток интеграции на национальной основе — исламский фундаментализм становится все более привлекательным для политиков мусульманских стран ЦА и представляет собой отражающую реалии сегодняшнего дня парадигму, которая с учетом сложившейся ситуации стала альтернативой и ответом вызовам глобализа-

ции. В главе показана природа процессов исламизации ЦА в прошлом, что предопределяет нынешнюю роль ислама здесь и то влияние, которое оказывает этот фактор на отношения стран ЦА с исламским миром.

При этом автор подтверждает фактами, что отношение к исламу правящих кругов стран ЦА носит сложный противоречивый характер. С одной стороны, все государства ЦА в соответствии с их конституциями являются светскими. Религия там отделена от политики, и это неоднократно подчеркивали лидеры всех пяти государств. Вместе с тем, практически ни одна из стран не избежала проявления особого отношения к исламу со стороны официальных властей, в том числе первых лиц государства. Три обстоятельства побуждают правящую элиту обращаться к исламу. Во-первых, стремление задействовать религию для консолидации коренного мусульманского этноса и одновременно использовать ее как один из источников создания общенациональной идеологии, что характерно в большей степени для Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, тогда как в Казахстане и Киргизии исламская мотивация официальной идеологии практически исключена, что объясняется наличием большой, а в Казахстане почти равновеликой казахскому этносу, русскоязычной общины.

Во-вторых, правящая элита стремится перехватить инициативу использования ислама у некоторых своих оппонентов, которые все чаще выступают с критикой властей с религиозных позиций. Наибольшие усилия в этом направлении предпринимают правящие круги Узбекистана.

И, наконец, в-третьих, власти обращаются к исламу в целях укрепления своего авторитета в мусульманском мире. В последние десятилетия связи бывших советских республик с их зарубежными единоверцами заметно укрепились. При этом руководителям стран ЦА приходится постоянно ссылаться на общую религиозную идентичность, а иногда демонстрировать, пусть и в специфической форме, приверженность идее исламской солидарности. Центрально-азиатские страны – члены влиятельнейшей Организации исламская конференция пытаются получать финансовую помощь от Исламского банка развития. Примечательно и то, что все без исключения президенты центрально-азиатских государств совершили обязательный для мусульманина хадж в священный город Мекку.

Нужно отметить, что для определенной части центрально-азиатской оппозиции исламский фактор представляется решающим. Такие оппозиционеры открыто заявляют, что улучшить нынешнюю ситуацию в обществе можно лишь при наличии "исламской альтернативы".

Наиболее расхожей дефиницией, применяемой к этой оппозиции, является фундаментализм, исламизм, экстремизм или ваххабизм. Автор анализирует вполне конкретные различия между этими на первый взгляд очень близкими терминами и выводит свои определения, что имеет значение при анализе отношений стран ЦА с мусульманским миром. Особое внимание уделено террористическим организациям, действующим под исламскими лозунгами как в рамках одной из стран ЦА, так и являющимся частью более широких международных структур.

Глава II "Мусульманские страны, занимающие позиции ведущих акторов в Центральной Азии", целиком посвящена Ирану и Турции – государствам исламского мира, которые одновременно являются региональными державами и находятся по соседству с регионом ЦА, и их отношениям со странами данного региона. В интересах исследования этих отношений автор анализирует внешнеполитические установки этих двух государств в целом, рассматривая далее их политику в отношении ЦА в этом широком контексте.

Так, в современной внешнеполитической стратегии Ирана концептуальная установка на превращение в лидирующее государство Ближнего и Среднего Востока рассматривается как задача осуществления исторической миссии Исламской Республики Иран (ИРИ). Иранские неоконсерваторы, пришедшие к власти в ИРИ в 2005 г., синтезировали в своей внешней политике сразу несколько парадигм предшествующего периода: достижение статуса региональной державы (доктрина последнего шаха М. Р. Пехлеви), максимум прагматизма в экономике (концепция президента А.А. Хашеми-Рафсанджани), последовательная интеграция в мировую экономику (идеи президента С. М. Хатами).

Применительно к странам ЦА эти стратегии реализуются уже с учетом неоднозначного имеющегося опыта постсоветского времени.

В начале 1990-х гг., сразу же после развала СССР, обнаружив только что образовавшееся огромное неосвоенное пространство, Иран стремительно активизировался в новых государствах ЦА, в первую очередь – в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Вместе с тем, автор подвергает сомнению утверждение многих экспертов, таких, как, например, З.Бжезинский, что, активизируясь в регионе, Иран одновременно следовал и продолжает следовать одному из важных идеологических концептов своей официальной внешней политики – идее "экспорта исламской революции". Однако, по мнению автора, применительно к странам Центральной Азии эти утверждения на проверку оказываются бессновательными. Постсоветская история стран ЦА знает множество

примеров влияния на религиозную сферу со стороны целого ряда других государств – Турции, Пакистана, Афганистана, Саудовской Аравии, Кувейта, но никак не Ирана с его шиитской доктриной, изначально неприемлемой в регионе преобладающего распространения суннитского мазхаба. В целом, в 1990-х гг. иранское влияние ограничилось некоторой экспансией на местные рынки иранских товаров (которая по своим масштабам не могла сравниться с китайской товарной экспансией или даже турецкой). Другим скромным успехом иранской политики в регионе можно считать создание сети культурных центров, вовлекших в сферу своего влияния весьма ограниченный круг деятелей культуры и незначительную часть населения.

Наращение антагонизмов в отношениях с США и непосредственное утверждение американцев в регионе в конце 2001 – начале 2002 гг. во многом предопределили характер иранской политики в регионе. Весь последующий период основные тактические установки иранской дипломатии в странах ЦА были направлены на постепенное инсталлирование во все сферы, дающие возможность способствовать преодолению внешнеполитической и экономической изоляции Ирана.

Определенным исключением для таких выводов изначально является Таджикистан, поскольку этнокультурная близость таджиков и иранцев сразу обусловила более высокий уровень отношений Ирана с Таджикистаном, нежели с другими государствами региона. Эта специфика иранско-таджикских отношений стала одним из факторов прямого участия иранской дипломатии в мирном процессе по выходу республики из гражданской войны 1992-1997 гг. Иран уже в период перестройки оказывал повышенное внимание Таджикистану, но оно обуславливалось в первое время стремлением расширить сферу своего политического и специфического идеологического влияния. С конца 1992 г. в таджикско-иранских отношениях наметился спад, переходивший временами во вполне ощутимое взаимное отчуждение.

Тем не менее, определенные круги в иранском политическом истеблишменте продолжают рассматривать Таджикистан не просто как важного политического партнера в регионе, но и как часть некоего "Большого Ирана". К настоящему времени Иран располагает некоторыми рычагами воздействия на правительственные круги, а также на Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Важное место в этом занимает преимущественно идеологический, в малой степени имеющий реальное политическое или иное наполнение, концепт "Арийского единства", подразумевающий интеграцию ираноязычных стран

региона и создание в перспективе некоей этноориентированной оси Тегеран-Кабул-Душанбе. Тем не менее, основными торговыми партнерами Таджикистана во внешнеторговом обороте остаются Россия, Узбекистан, Казахстан, Турция и Китай. Иран в этом перечне занимает далеко не ведущие позиции.

Помимо Таджикистана, определенная специфика имеется также в иранско-туркменских отношениях, что обусловлено непосредственным соседством двух стран. Автор согласен с мнением, что главная особенность отношений между Туркменистаном и Ираном заключается в том, что взаимные отношения двух стран обусловлены отсутствием другого выбора. Обе страны "обречены" иметь активные двусторонние связи. Чисто прагматически нейтральный статус Туркменистана дает ему возможность успешно лавировать между полюсами силы современного мира, а для Ирана важно то, что нейтралитет служит сдерживающим фактором, позволяющим Ашхабаду дистанцироваться от участия в международных блоковых структурах. Помимо иного эта линия ирано-туркменских взаимоотношений подкреплена объективно выгодными обеим сторонам существующими экономическими отношениями.

Отношения Ирана с Казахстаном имеют дружественный характер, но ограничиваются стремлением Казахстана активизировать евроатлантический вектор своей внешней политики. Российское и в последние годы китайское направления внешнеполитической активности Казахстана объективно не могут быть препятствием для поступательного развития отношений с Ираном. Активизация же сотрудничества с США, в первую очередь, является ощутимым фактором торможения для двусторонних отношений.

В главе также проведен анализ позиций Ирана, Туркменистана и Казахстана по вопросам, касающимся статуса и эксплуатации ресурсов Каспийского моря.

Автор показывает, что при наличии определенных колебаний отношения Ирана с Узбекистаном на протяжении всего их существования оставались относительно дружественными, не проявляя тенденции к активизации либо принципиальному изменению в своем качестве. Что касается ирано-киргизских отношений, то особой динамикой они не отличались никогда. Политическое взаимодействие Киргизии и ИРИ осуществляется преимущественно в рамках участия обеих стран в международных организациях. Экономическое и культурное присутствие Ирана в республике, в любом случае, заметно уступает российскому, китайскому и даже турецкому.

Исторически соперником Ирана на Среднем Востоке была Турция. Анализ отношений между Турцией и странами ЦА автор, как и применительно к Ирану, предваряет изучением факторов турецкой внешней политики и лежащих в ее основе интересов. Показано, что во внешнеполитической деятельности Турции в настоящее время основное место занимает западное направление и стремление Турции, являющейся с 1950-х гг. одним из важнейших членов НАТО, стать полноправным членом Европейского союза. В то же время, несговорчивость ЕС в этом вопросе и его отказ удовлетворить турецкую заявку на членство, поданную впервые еще в 1970-е гг., возможно, стали одним из факторов охлаждения в последние годы в отношениях Турции с Западом в целом и склонности к большей идентификации себя с исламским миром.

Тем не менее, по мнению автора, усиление политики Турции в ЦА можно рассматривать как дополнительный фактор европейской политики в регионе. При этом турецкие аналитики отмечают, что, по крайней мере, в ближайшие годы основным союзником для Турции в регионе ЦА остаются США.

После распада СССР в 1991 г. и последующих событий, Турция выступила одним из первых государств, признавших независимость бывших советских стран. В 1991-92 гг. Турция в числе первых государств официально установила дипломатические отношения и открыла посольства во всех центрально-азиатских странах. Появились государства, близкие ей с точки зрения исторической и религиозной традиции, в этническом и языковом отношении. Перед Анкарой вдруг открылась заманчивая перспектива возглавить целый конгломерат этнически родственных стран. Турция приступила к формированию своей новой идентичности как лидера тюркского сообщества. Именно тогда в структуре МИД Турции в 1992 г. было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТКА), которое занимается вопросами экономического, культурного и технического сотрудничества, и Центр культуры и искусств. Одной из основных идей политики Турции в регионе первоначально было создание «Великого Турана» под эгидой Анкары. Однако это предложение не нашло одобрения среди лидеров стран ЦА.

В первые годы независимости центрально-азиатские страны контактировали с внешним миром во многом через Турцию. Первоначально именно Турция воспринималась центрально-азиатскими лидерами как модель социально-экономической и политической трансформации стран региона. Ряд государств региона проявлял интерес к турецкому варианту экономического развития. Лидеры новых государств рассматривали

Анкару в качестве посредника, способного, благодаря давним отношениям с Брюсселем и Вашингтоном, помочь им как можно скорее интегрироваться в мировую политическую и экономическую систему. При содействии Анкары произошло включение тюркских республик в состав региональных экономических и политических объединений: ОБСЕ, Организацию экономического сотрудничества, Черноморское экономическое сотрудничество, Организацию исламская конференция. Турция сыграла важную роль в присоединении республик ЦА к программе НАТО «Партнерство ради мира». Анкара также способствовала проникновению в эти государства международных финансовых организаций (МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития). На международном экономическом форуме в Давосе стало традицией проводить встречи лидеров Турции и центрально-азиатских государств.

По мнению автора, самое пристальное внимание Турции уделяется Казахстану. Отношения между Анкарой и Астаной развиваются поступательно и находятся на хорошем уровне. Однако существенную конкуренцию для турецких предпринимателей составляют бизнесмены из Китая, США и стран ЕС. В 2007 г. Казахстан подписал соглашение о присоединении к трубопроводной сети Баку-Тбилиси-Джейхан, что является важным моментом для реализации энергетической политики Турции в регионе.

Динамично развивается турецко-киргизское сотрудничество в сфере культуры, образования, в сфере политических отношений и военно-технической сфере.

С Таджикистаном отношения Турции получили наименее заметное развитие. Что касается Узбекистана, то после обвинений в адрес Турции по поводу поддержки узбекских оппозиционных движений и их лидеров, отношения между двумя странами довольно прохладные. Турция и Узбекистан продолжают сотрудничество в сфере предотвращения и устранения таких угроз, как экстремизм, терроризм и контрабанда наркотиков, с которыми сталкивается Ташкент и которые представляют опасность для стабильности всего региона. Тем не менее, необходимо признать, что с Узбекистаном Турции не удастся наладить даже нормальные отношения, не говоря уже о стратегическом партнерстве. Отношения между ними, пережив настоящий разрыв в середине 1990-х гг., вроде бы стали вставать на новые рельсы, однако о явном или очевидном налаживании сотрудничества говорить не приходится.

В целом, считает автор работы, на сегодняшний день очевидно, что Турция как один из акторов в современной системе международных

отношений играет определенную роль в Центральноазиатском регионе. И это вполне закономерно, с учетом того, что народ практически всех стран региона имеет общие языковые, культурные и этнические корни с народом Турции.

При этом роль Турции в ЦА подчас носит двойственный характер. С одной стороны, страна отстаивает геостратегию Запада, стремясь наглядно показать ему свою лояльность и целесообразность своей посреднической роли в Центральной Азии, а с другой – Турция продвигает на этом пространстве собственные, замешанные на пантюркизме интересы. Основная цель Турции – обустройство своей экономической «ниши» как транзитера энергетических ресурсов из Центральной Азии на Запад, а также реализация своих интересов, связанных с разработкой нефтяных проектов в Каспийском бассейне. Превращение Турции в энергетический перекресток Азии, Европы и Ближнего Востока объективно увеличивает политико-экономический вес страны. При этом географическая удаленность Турции от ЦА и ее претензии на лидерство среди тюркских народов, а также игнорирование интересов России в регионе не будут способствовать поступательному развитию сотрудничества со странами ЦА и его выходу на новый уровень, который бы еще больше влиял на интересы России. Несмотря на это, Турция продолжает оставаться важным и влиятельным актором в Центральной Азии, что Россия, безусловно, должна учитывать.

Проведя сравнительный анализ отношений Ирана и Турции со странами ЦА, автор делает вывод, что турецко-иранское соперничество в регионе, не принимая насильственные формы, протекает достаточно остро, в т.ч. и в силу того, что у этих стран противоположные модели государственного устройства, различия в позиционировании в отношениях с другими центрами силы современного мира, прежде всего с Западом, а также в силу исторических геополитических традиций, груз которых преодолеть бывает весьма трудно.

В Главе III **"Отношения центрально-азиатских государств с другими мусульманскими странами"** рассмотрены отношения стран ЦА с остальными странами мусульманского мира. Автор отмечает, что, как и в случае с Турцией и Ираном – основными внешними акторами данной категории в регионе ЦА, термин "мусульманская страна" следует употреблять условно. Он всего лишь подразумевает, что абсолютное большинство населения соответствующей страны исповедует ислам, а отнюдь не обязательно то, что ислам является в ней государственной религией.

Разумеется, все эти другие мусульманские страны не могут соперничать с Турцией и Ираном в плане интенсивности связей с государствами Центральной Азии, роли и геополитических амбиций. Это обусловлено историческим контекстом – на протяжении столетий, предшествовавших присоединению ЦА к Российской империи, Турция и Иран, а точнее Османская империя и Персия были единственными мусульманскими государствами, обладавшими не только реальным суверенитетом, но и мощной государственностью, позволявшей им проводить активную внешнюю политику.

Причина этого также и в том, что эти две страны являются "гигантами" мусульманского мира. Конечно, по финансовым ресурсам Саудовская Аравия превосходит их, однако по населению уступает в разы. Пакистан и Индонезия обладают гораздо более многочисленным населением, чем Турция и Иран, но уступают им по финансово-экономическим возможностям. Наконец, несмотря на бурное развитие транспортных коммуникаций в эпоху глобализации, фактор географической удаленности все же играет свою роль, особенно применительно к таким мусульманским странам, как Индонезия, Малайзия или, например, Марокко.

В главе последовательно изучены отношения всех пяти стран ЦА с указанными мусульманскими государствами. По мнению автора, в наибольшей степени отношения с другими мусульманскими странами получили место во внешней политике и внешнеэкономических связях двух крупнейших стран Центральной Азии – Казахстана и Узбекистана. Одно время, в 1990-е гг. на роль центра притяжения по такому критерию как частота проведения международных мероприятий и наличие представительств международных организаций претендовала – и небезуспешно – Киргизия. Однако две прошедшие в новом столетии с пятилетним перерывом насильственные смены верховной власти в стране, вероятно, надолго сделали невозможным ее превращение в "центрально-азиатскую Швейцарию".

В настоящее время, как представляется, относительным лидером среди стран Центральной Азии по части насыщенности внешних связей в общем плане является Казахстан. Это относится и в целом к его отношениям с другими государствами мира, и участию в международных организациях (можно напомнить, что в 2010 г. он председательствовал в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), так и к "мусульманскому измерению" казахстанской внешней политики. Так, например, в Астане наряду с Турцией, Ираном и остальными четырьмя

странами ЦА имеют свои дипломатические и консульские представительства такие государства-члены ОИК как Азербайджан, Афганистан, Египет, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Ливия, Ливан, Малайзия, ОАЭ, Оман, Государство Палестина и Саудовская Аравия.

Автор приводит факты, свидетельствующие, что контакты Казахстана с этими странами носят весьма устойчивый и регулярный характер. Показательно и то, что именно в Казахстане расположено региональное представительство Исламского банка развития.

Другой региональный лидер Центральноазиатского региона – Узбекистан – также проводит активную политику развития отношений с мусульманскими странами. Общая конфигурация его отношений с ними практически сходна с той, которая сложилась у Казахстана. Узбекистан с первых лет независимости провозгласил сотрудничество со странами Среднего и Ближнего Востока в качестве одного из приоритетов внешней политики. В Ташкенте осуществляют свою деятельность 13 диппредставительств стран Среднего и Ближнего Востока. Узбекистан поддерживает довольно активные отношения с такими странами как ОАЭ, Саудовская Аравия, Кувейт, Египет, Бахрейн, Оман, Катар и Иордания, а из неарабским мусульманских стран – с Пакистаном. Кабинет министров Республики Узбекистан утвердил «План мероприятий по дальнейшему развитию сотрудничества между Узбекистаном и арабскими странами на ближайшую перспективу».

Отношения Киргизии, Туркменистана и Таджикистана с другими мусульманскими странами, помимо Турции и Ирана, менее активны, а порой носят лишь эпизодический характер. Как представляется, сравнительно большая интенсивность контактов этих стран с Саудовской Аравией, нежели, например, с Индонезией или Пакистаном, обусловлена религиозным фактором – нахождением в КСА главных мусульманских святынь.

В свою очередь, арабская религиозная элита Персидского залива заинтересована в развитии сотрудничества со странами ЦА в интересах будущего закрепления своих идейно-политических позиций, в т.ч. и как противовес влиянию шиитского Ирана в ЦА. Идеи мусульманского братства между арабами и жителями ЦА могли бы стать основой для роста политического авторитета Саудовской Аравии среди неарабских стран как авторитетного центра «суннитского мира».

В **Заключении** автор отмечает, что исследование отношений государств ЦА с другими странами мира, которые либо – при том, что согласно конституциям являются светскими – населены в основном му-

сульманами, либо официально провозглашают ислам своей государственной религией, имеет важное значение для определения как возможных путей дальнейшей эволюции внешней политики государств ЦА, так и внутренних изменений в этих странах. При том, что по отдельности ни одна мусульманская страна за пределами ЦА не может быть сопоставима по своим возможностям с крупными внешними геополитическими акторами, имеющими интересы и действующими в данном регионе, в особенности с «большой тройкой», как иногда называют Россию, США и Китай, в совокупности они все же являются существенным фактором, влияющим на регион.

Крупнейшими и потенциально наиболее влиятельными из данной категории внешних геополитических акторов, безусловно, являются Турция и Иран. Однако в политической, экономической и иной деятельности этих двух стран отсутствует синергетика, т.е. не наблюдается никакой согласованности или хотя бы взаимодополняемости действий, а, напротив, присутствует до поры до времени скрытое соперничество за влияние в регионе.

Это невозможно объяснить лишь историческими корнями, многочисленными войнами между османскими султанами и персидскими шахами на протяжении столетий. Вряд ли было бы правильно сводить все и к многовековому суннитско-шиитскому противостоянию. И то, и другое, несомненно, оказывает свое влияние. Однако, следует учитывать и другие факторы. Турция со времен Ататюрка является светским государством. Несмотря на то, что к власти в ней несколько лет назад пришла партия, исповедующая исламские принципы, в Турции сохраняется сильнейшее влияние армии, страна по-прежнему состоит в НАТО и не теряет надежды стать членом ЕС и, в более общем плане, связывает свое будущее с Европой и, шире, с Западом, с западным путем развития, пусть даже и с оговорками о национальных особенностях. Это не мешает, впрочем, определенным кругам в Турции лелеять планы объединения всех тюркоязычных народов в некое квазигосударственное образование («Великий Туран»), однако здесь следует подчеркнуть, что в основу такого гипотетического образования идеологи пантюркизма помещают не религиозное, а этническое единство.

В Иране же у власти стоит теократический режим, полностью отвергающий западный путь развития, в т.ч. и светский характер государства, и открыто ставящий своей задачей уничтожение западной – и любой другой неисламской – цивилизации и утверждение всемирного ис-

ламского государства (разумеется, шиитского). В основу кладется не этническая, а религиозная общность.

К этому добавляется и столкновение чисто материальных интересов, в частности, в сфере энергетики. Если Иран является одним из крупнейших производителей нефти и газа и в этом плане в определенном смысле конкурентом стран ЦА, обладающих энергозапасами, то Турция, не располагая запасами энергоресурсов, является важнейшим пунктом транзита энергоносителей с востока на запад, а потому заинтересована в энергозапасах Центральной Азии.

Из других мусульманских стран, поддерживающих довольно активные отношения с государствами ЦА, следует выделить Саудовскую Аравию. Однако и в данном случае налицо плохо скрываемое противоборство – и с Ираном, который в отличие от нее является республикой и официально стремится к распространению шиитского направления на страны Аравийского полуострова, и – в определенной, существенно меньшей мере – с Турцией, поскольку та по историческим меркам была империей и господствовала над арабами, а последующее ее превращение в республику и периодически оживляющиеся идеи «пантюркизма» не вызывают у арабских монархий никаких симпатий. Если саудовцы и имеют какие-то мусульманские страны в качестве надежных партнеров и союзников как в целом во внешнеполитической области, так и плане проведения своей линии в ЦА, то это – малые арабские монархии Персидского залива.

Относительно активны отношения стран ЦА с Афганистаном и в какой-то степени с Пакистаном, но здесь присутствуют в значительной степени внеэкономические факторы. Ситуация недавнего прошлого, когда при власти талибов с территории Афганистана в ЦА проникали не только наркоторговцы, но и группы вооруженных экстремистов, ставивших своей целью свержение центрально-азиатских режимов, после вторжения возглавляемой США антитеррористической коалиции в Афганистан, разумеется, изменилась, однако незначительно. Вторжений стало меньше, поскольку талибы отвлечены на ведение боевых действий против коалиции, но при этом поток наркотиков, поступающих оттуда в ЦА, а затем в Россию и Европу, возрос многократно.

Что же касается таких стран, как Египет, Марокко, Индонезия, Малайзия и другие, то их отношения со странами ЦА носят менее интенсивный характер, объемы экономических связей малы, а политическое сотрудничество во многом сводится к декларациям в ходе нечастых двусторонних встреч и на международных форумах.

Таким образом, разные мусульманские страны имеют разную степень заинтересованности во взаимодействии со странами ЦА, а интересы тех из них, которые развивают взаимодействие сравнительно активно, зачастую имеют разновекторную направленность. Поскольку в регионах Персидского залива и Ближнего Востока никакого, даже самого слабого подобия интеграции по образцу европейской или хотя бы южно-восточноазиатской (АСЕАН) в обозримом будущем не предвидится, а, напротив, в указанных регионах присутствует постоянный страх перед возможными вооруженными конфликтами, причем отнюдь не беспочвенный, учитывая последние арабские революции, а также арабо-израильские, ирано-иракский, иракско-кувейсткий и другие вооруженные конфликты, ожидать изменения данного положения не приходится.

Добавляет напряженности и иранская программа мирного освоения ядерной энергии. В случае превращения Ирана даже не в государство, уже обладающее ядерным оружием, а в т.н. «пороговое», следует с большой степенью вероятности того, что по тому же – формально не нарушающему Договор о нераспространении ядерного оружия – пути может последовать и Турция, какие-то из арабских государств.

Центрально-азиатские государства, со своей стороны, всего лишь два десятилетия как стали самостоятельными геополитическими акторами. Они наработали определенный опыт ведения внешних дел. Но все же это длительный процесс. В своей короткой истории эти государства дважды столкнулись с глобальными геополитическими переменами. Первый раз – когда распался Советский Союз, и они фактически оказались предоставлены сами себе. В регионе на какое-то время образовался «вакуум», который, впрочем в конце прошлого века стал постепенно заполняться.

Второй случай опять же совершенно не зависел от них. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в США и стремительная операция Соединенных Штатов, осуществленная при полной поддержке их со стороны всех их союзников и других стран, включая Россию и Китай, резко усилила геополитическое значение ЦА как важнейшего плацдарма поддержки операции в Афганистане.

Сюда следует добавить также и ситуацию середины 2000-х гг., когда беспрецедентный рост цен на энергоносители еще больше усилил интерес к ЦА как к региону, обладающими указанными ресурсами. Мировой кризис и падение нефтяных цен несколько ослабил этот интерес, но в последнее время снова наблюдается его рост, а в случае каких-то радикальных событий на Ближнем Востоке и в регионе Персидского

залива и, соответственно, нового скачка цен на энергоносители, заинтересованность всех внешних акторов – от России, США, Китая и Европы и до Турции и Индии несомненно усилится.

В период становления внешней политики государств ЦА в 1990-е гг. она, конечно, определялась вполне материальными интересами. Экономическое положение после разрыва советских хозяйственных связей было драматическим, что и обуславливало стремление привлечь помощь внешних доноров. Наряду с экономическими соображениями имело место и стремление укрепить безопасность и обороноспособность. В этом плане, помимо отношений с Россией, США, ЕС и Китаем внимание центрально-азиатских руководителей привлекли пусть более скромные, но, с другой стороны, «свои» – «мусульманские» – внешние источники в лице Турции, богатых арабских государств и – с известными оговорками – Ирана.

В плане подтверждения влияния экономического фактора на развитие отношений между государствами ЦА и другими странами исламского мира, следует отметить, что по контрасту со сравнительно регулярными связями стран ЦА, например, с богатыми нефтедобывающими государствами Персидского залива мало что можно сказать об их отношениях с бедными мусульманскими странами. Со своей стороны, в отличие от Саудовской Аравии или Кувейта, такие страны с в основном мусульманским населением как Мали или Бангладеш никогда не располагали средствами для финансирования строительства мечетей в государствах ЦА или оплаты обучения центрально-азиатских единоверцев в своих учебных заведениях.

Будущее состояние отношений центрально-азиатских государств с другими мусульманскими странами мира будет определяться как их внутренней социально-экономической ситуацией, которая весьма неблагоприятна, так и не зависящими от них внешними факторами. Это и развитие обстановки в Афганистане, и мировые цены на энергоносители, и ситуация на Ближнем Востоке, где на настоящий момент лишь в Турции обстановка остается в полной мере стабильной.

Любые радикальные перемены в арабских странах, неизбежно, серьезно скажутся на отношениях между ними и государствами ЦА. Замена монархий и традиционных авторитарных режимов типа египетского в этих странах на «подлинные» республики – относительно прозападного толка или же исламские – чревата опасностью попыток экспорта из этих государств в страны ЦА либо «оранжевых» («жасминовых»), либо исламских революций. При любом варианте осложнения в

отношениях стран ЦА с мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки станут неизбежны.

В силу этого следовало бы изучить возможности взаимодействия России с государствами ЦА в плане укрепления взаимного обеспечения безопасности, причем не только силовыми методами, но также обмена опытом, включая российский опыт диалога между светской властью и религиозными объединениями в интересах предотвращения экстремизма и обеспечения мирного сосуществования в рамках одного государства народов, принадлежащих к различным этносам и исповедующих различные религии.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях, в том числе в трех изданиях из списка рекомендованного ВАК:

1. Мutow С.А. Политика Ирана в отношении Центральной Азии // Мир и политика. М.: Известия, 2011. 0,5 п.л.
2. Мutow С.А. Политика Турции в Центральноазиатском регионе // Дипломатическая служба, № 4. М.: Панорама, 2011. 0,5 п.л.
3. Мutow С.А. Турецкое присутствие в Центральной Азии // Вестник Кыргызского государственного университета им. И.Арабаева, выпуск №1 (2011). Бишкек, 2011. 0,5 п.л.
4. Мutow С.А. Основные формы взаимодействия мусульманских стран со странами Центральной Азии // Международные отношения в начале XXI века. М.: Восток-Запад, 2010. 0,5 п.л.
5. Мutow С.А. Стратегия Ирана в отношении Центральной Азии // Международные отношения в начале XXI века. М.: Восток-Запад, 2011. 0,5 п.л.

Подписано в печать 14.11.2011 г.

Тираж 100 экз. Объем 1 п.л.

Отпечатано в Дипломатической академии МИД России